

Гу Шаобай потерял мать в раннем детстве. Хотя он был незаконнорождённым, мачеха относилась к нему неплохо, а два брата всегда были к нему добры. Благодаря его уму, мудрости, мягкому и спокойному характеру, Гу Цзюньсюань особенно любил его.

— В последние дни я несколько раз отправлял людей за тобой, но тебя никогда не было дома. Чем ты занимаешься? — Гу Цзюньсюань поставил чашку и спросил как бы между прочим.

Гу Шаобай почувствовал, как сердце сжалось. Неужели отец что-то заметил? Он украдкой посмотрел на него, но лицо Гу Цзюньсюаня было спокойным, без намёка на подозрение. Шаобай немного успокоился и уже думал, как бы отговориться, когда Гу Цинбай первым заговорил.

— Отец, вы ещё не знаете, но Шаобай завёл новых друзей, — улыбнулся Гу Цинбай. — Наверное, они просто читают стихи, играют в шахматы и общаются.

Гу Шаобай с благодарностью посмотрел на Гу Цинбай и почтительно ответил:

— Именно так, отец.

Когда они вышли из зала, уже приближался полдень. Только наступила осень, и солнечный свет был ярким и слепящим. Шаобай был одет в светло-зелёный тонкий халат с тёмно-зелёной отделкой на рукавах и воротнике. На подоле были вышиты несколько бамбуковых стеблей, а на поясе висел тёмно-зелёный шнур. Контраст светлых и тёмных зелёных тонов делал его лицо, белое как яшма, похожим на прозрачный кристалл. На солнце он казался жемчужиной, излучающей мягкий блеск.

Гу Цинбай, видя, что Шаобай выглядит рассеянным, с беспокойством сказал:

— А Бай, чем ты занят в последнее время? Отец, может, и не знает, но я-то понимаю, ты любишь тишину и не любишь шумные сборища. Обычно ты не любишь звать друзей и развлекаться. Я сказал отцу так, потому что видел, что у тебя есть что-то, что ты скрываешь, и боялся, что он тебя отчитает. Можешь рассказать второму брату?

Длинные ресницы Шаобая дрогнули, но он так и не смог ничего сказать.

— Ладно, не хочешь — не говори, — Гу Цинбай подошёл к нему и положил руки на его плечи. — А Бай, что бы ни случилось, в любое время ты можешь прийти ко мне, и я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

С этими словами он дважды похлопал его по плечу и направился во внутренний сад.

Шаобай смотрел на высокую и статную фигуру Гу Цинбая, и в его глазах появилась лёгкая краснота.

Второй брат, ты не сможешь мне помочь. То, что я хочу сделать, вероятно, никто не сможет изменить... Он покачал головой. Ладно, будь что будет, кто знает, что ждёт в будущем. Главное, что сейчас я люблю его, а он любит меня.

Гу Шаобай вышел из ворот Дома Гу и направился на восток города. Улицы были полны людей, шум и суета окружали его. Мысль о том, что он скоро увидит того человека, мгновенно развеяла все его тревоги и беспокойства. Большие каменные плиты на дороге отражали полуденное солнце, ослепляя своим ярким светом. Настроение поднялось, и шаги стали легче. Вспоминая слова, которые он услышал пару дней назад, сердце забило быстрее.

На кровати, затянутой лёгкими шёлковыми занавесками, царила атмосфера неги. Шаобай лежал в объятиях мужчины, обессиленный, с влажными глазами, слегка запыхавшийся.

— А Бай, — он мягко произнёс его имя.

Его губы настойчиво кусали его шею, нежную, как у лебедя, а затем спустились к маленькой ключице, где скопилась влага от пота, солоноватый вкус которой раздражал его вкусовые рецепторы.

Гу Шаобай, полузакрыв глаза, наслаждался этим, чувствуя, как волны удовольствия распространяются по телу от его прикосновений. Он едва смог оттолкнуть его:

— Чжоу Фэн, остановись, — он повернулся к нему спиной, свернувшись калачиком, и тихо сказал. — Я больше не могу, если продолжишь, я умру.

Чжоу Фэн схватил его за плечо и повернул к себе, губы касались его глаз, готовых заплакать.

Шаобай быстро спрятался под одеялом, смеясь и умоляя:

— Ладно, ладно... сдаюсь... сегодня отпусти меня!

Пролежав под одеялом некоторое время и не услышав никаких звуков, Шаобай засомневался и выглянул, чтобы проверить, не задумал ли он что-то ещё.

Чжоу Фэн сидел у изголовья кровати, глядя на зелёные шёлковые занавески, его взгляд был мрачным и сложным.

— А Фэн, — тихо позвал его Шаобай.

Чжоу Фэн медленно перевёл взгляд на него, и на мгновение Шаобай увидел в его глазах подавленную боль, глубокую и мрачную, словно готовую поглотить его. Он испугался и слегка потряс руку Чжоу Фэна:

— Что с тобой?

Чжоу Фэн, словно очнувшись, вернул свой обычный мягкий и спокойный взгляд. Печаль исчезла так быстро, что Шаобай сомневался, не показалось ли ему это.

Позже, после перерождения, Гу Шаобай наконец понял, что тот мимолётный мрак был не его воображением, а реальностью.

Чжоу Фэн взял прядь мягких волос Шаобая и обвил её вокруг пальца:

— А Бай, послезавтра мой день рождения. Давай пойдём в «Башню Чистой Луны», ты устроишь мне праздник, только ты и я.

Гу Шаобай подумал:

— А здесь разве не хорошо? Твой дом такой уютный и тихий, мне он нравится. Если только мы вдвоём, какая разница, где? Поставим стол под грушей во дворе, позовём дядю Пина, как насчёт этого? «Башня Чистой Луны» — это самый большой и лучший постоянный двор в Цзинлине, вокруг него множество ресторанов, гостиниц и увеселительных заведений, там всегда много знатных людей. Я боюсь, что мы можем кого-то встретить, это будет неудобно...

Шаобай действительно беспокоился. Его отношения с Чжоу Фэном были против природы и морали, и пока он не придумал, как всё уладить, это нужно было скрывать от всех. Если бы Семья Гу узнала, это вызвало бы хаос, и покоя больше не было бы.

— Я слышал, что в «Башне Чистой Луны» появилась южная труппа, их пьесы очень интересны. Я забронировал отдельную комнату, никто не увидит нас вместе, — Чжоу Фэн слегка поцеловал его розовые губы, а затем схватил его за мягкий бок, начиная щекотать. — Малыш, ты всё ещё отказываешься?

Шаобай, смеясь и едва дыша, сдался:

— Ладно, ладно... как скажешь...

Приближаясь к восточной части города, Шаобай свернул с главной дороги и стал петлять по узким переулкам, пока не добрался до заднего входа «Башни Чистой Луны». Хотя главная улица была шумной и многолюдной, задние переулки были тихими и пустынными, и мало кто обращал внимание на случайного прохожего.

Дядя Пин ждал уже давно и, увидев его, поспешил навстречу, бормоча:

— Мой молодой господин, наконец-то вы пришли. Господин уже несколько раз спрашивал о вас. Я хотел послать за вами карету, но вы настояли, чтобы шли пешком. От запада до востока это долгий путь, посмотрите, как вы вспотели... К счастью, я заранее приготовил влажное полотенце, — он протянул ему чистую салфетку. — Протрите лицо.

Шаобай остановился, взял полотенце и вытер пот. Внезапно он глубоко поклонился дяде Пину, чем сильно его напугал:

— Дядя Пин, за последние полгода вы всегда были рядом, встречали меня и провожали, помнили о моих вкусах и предпочтениях, каждый раз готовили в доме то, что я люблю... — он сделал паузу, а затем добавил. — Я... я и Чжоу Фэн, наши отношения... Вы не смотрите на меня с презрением, не считаете меня низким... Я бесконечно благодарен вам... Что бы ни случилось в будущем, я всегда буду помнить вашу заботу. Если представится возможность, я обязательно отблагодарю вас.

Дядя Пин поднял его, в его глазах появилась влага, а на лице — выражение глубокой нежности. Он несколько раз открыл рот, но слова застряли в горле. Внутри него бушевал страх. Гу Шаобай, такой умный и благородный, как драгоценный камень, использовался господином как орудие мести, и скоро его ждёт катастрофа. При этой мысли он больше не мог говорить.

«Башня Чистой Луны» была четырёхэтажным квадратным постоялым двором. В центре первого этажа находилась деревянная сцена, где проходили представления, а вокруг были расставлены столы. Второй этаж был открыт, и по периметру располагались отдельные комнаты, затянутые светло-розовыми шёлковыми занавесками, сделанными из южного прозрачного шёлка. Снаружи было ярко освещено, и гости наверху могли ясно видеть представление на сцене, но те, кто был внизу, не могли видеть, что происходило в комнатах.

Задний вход соединялся с деревянной лестницей, ведущей на второй этаж. Дядя Пин провёл Шаобая в самую дальнюю комнату.